

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: ВЛИЯНИЕ НА РОССИЮ И МИР

Эксперты Российского общества политологов (РОП) оценили итоги первого года специальной военной операции (СВО). Участникам экспертного опроса предлагалось ответить на следующие вопросы:

1. Как Вы оцениваете влияние специальной военной операции на социально-политическую ситуацию в России и в мире?
2. Повлияла ли на российское общество «культура отмены»? Каким образом?
3. Каковы, на Ваш взгляд, условия и возможности урегулирования данного конфликта в среднесрочной перспективе?

Предлагаем Вашему вниманию комментарии участников экспертного опроса РОП.

Васильев Юрий Владимирович, директор Ставропольского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, доктор политических наук, профессор, руководитель Ставропольского регионального отделения РОП

Попытки изоляции России обречены на провал

Как оценить влияние специальной военной операции на социально-политическую ситуацию в России и в мире? Ответ на этот вопрос состоит из нескольких самостоятельных сегментов. Воздействие СВО на россиян, ее влияние на социально-политическую ситуацию в стране прошло несколько этапов. Первый этап – удивление и недоумение. Однако, по мере того как народ узнавал о ее подоплеках и основаниях, все больше и больше происходила смена векторов влияния. В настоящее время подавляющая часть россиян ее поддерживает и понимает ее движущие силы. У большей части россиян она вызывает непрекращающуюся волну военного патриотизма. Сопереживание сражающимся, боль этнической измены когда-то братского украинского народа, которому открыты были сердца и души россиян, формируют идеологическую и политическую платформу нравственного неприятия украинского национализма и нескрываемой ненависти к русскому народу. Специальная военная операция воспринимается как единственно возможный инструмент (средство) возмездия и справедливости.

Конфликт принял уже глубокий нравственный и военно-политический характер. Для восстановления справедливости на Украине все должно радикально измениться, чтобы можно было признать справедливость восстановленной – это, в первую очередь, смена лидеров и политического курса. Общественное сознание и идеология определенной части населения будут переформатироваться значительно дольше. Переговорный процесс, думаю, невозможен. Только полная капитуляция и начало новых процессов восстановления.

Любая попытка изолировать Россию от мирового сообщества, подвергнуть ее политическому и экономическому ostracismu обречена на провал. Россия – великое государство с неиссякаемыми возможностями. Она, если надо – самодостаточна и является центром притяжения как таковым! В силу этого она обладает способностью самовоспроизводства, и любые внешние ограничения только формируют потенциал к росту.

Жуков Дмитрий Сергеевич, ведущий научный сотрудник Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина, кандидат исторических наук

СВО открыла новый этап российской и мировой истории

СВО – событие, которое открывает качественно новый этап российской и мировой истории. Конечно, нельзя утверждать, что спецоперация определила содержание этого этапа, однако СВО решитель-

ным образом форсировала и скорректировала те тенденции, которые и формируют облик новой реальности.

Внутри России спецоперация актуализировала три мощных источника изменений:

1. Стремление государства обеспечить социальную консолидацию на принципах справедливости и патриотизма на фоне (вероятно) затяжного военного конфликта, переходящего (непрерывно) в жесткую холодную войну.

2. Потребность общества в оздоровлении – в разрешении затяжного кризиса доверия по отношению к социальному строю, отягощенному наследием ельцинского периода: некачественные локальные элиты, пренебрежение принципами меритократии, недостаточная сопряженность бизнеса с интересами общественно-государственного организма и пр.

3. Переконфигурация участия России в мировом разделении труда и, соответственно, трансформация экономики и профиля человеческого капитала.

Последний пункт представляется весьма интересным, поскольку еще несколько лет назад подобная задача казалось совершенно нерешаемой даже в среднесрочной перспективе; а сейчас мы наблюдаем совершенно конкретные и веские шаги к ее решению, причем, как со стороны России, так и со стороны, как ни странно, Запада.

В позднесоветские времена возникла ресурсоориентированная схема интеграции страны в мировой рынок, которая окончательно восторжествовала после развала СССР. Однако, поставляя на рынок ценные ресурсы, страна, вопреки идеальной схеме, не получала в обмен необходимые технологии. Хронический огромный профицит внешнеторгового баланса и бегство «лишних» капиталов из страны демонстрировали, что России во все возрастающих объемах обменивала труд и полезные ископаемые на «бумагу» – дензнаки, являющиеся по существу невозвратными долговыми обязательствами США и Еврозоны. К сожалению, как показал опыт не только России, но и других держателей крупных суверенных фондов (Норвегии, КСА, Китая и др.), эффективно инвестировать (и даже хранить без потерь) эти запасы практически невозможно.

Сейчас мы можем наблюдать, что принцип «ресурсы в обмен на бумажки» перестал работать (вопреки мощным олигархическим интересам внутри страны). Внешне это выражается, в частности, в сокращении демпингового ресурсного экспорта и в дедолларизации внешней торговли. Развивается новый принцип – «страна поставляет ресурсы в обмен на нужные ей товары». В рамках такой схемы поставки осуществляются, прежде всего, привилегированным покупателям, которые предложили в обмен не только деньги, но и товары, в которых заинтересована Россия и/или политическую, экономическую, технологическую и иную поддержку. И это значимый антиколониальный тренд (причем, не только российский): в мире

будущего покупателем будет не тот, кто больше заплатит, а тот, кто будет политически целесообразен.

Очевидно, что экономика России не изолируется – она и далее будет интегрироваться в мировое разделение труда, но уже на несравненно более выгодных и равноправных условиях.

Социальные изменения внутри России в ближайшие годы будут происходить в логике разрушения (порой, весьма болезненного) социальных и политических симулякров постмодерна и потребления. Произойдет возврат к естественным политическим ценностям, таким как справедливость и меритократия, безопасность, национальная консолидация, самодостаточность и пр.

Россию ожидает значимая корректировка социальной структуры. «Силовики» как специфическая группа элиты превратятся в ядро социального слоя, который условно можно назвать «служилым дворянством». Причем, большая часть этого слоя будет принадлежать к среднему классу. Это не только военнослужащие (в частности, военнослужащие, участвовавшие в СВО), но и представители иных специальностей (порой весьма мирных), чья деятельность непосредственно связана со службой обществу и государству. Именно этот социальный слой и составит политически активное ядро социума, лишив этого статуса «креативный класс» и столичную творческую интеллигенцию, потеснив бизнес – то есть те социальные слои и силы, которые долго и самозванно пытались изобразить некое «гражданское общество», но так и не смогли. Конечно, восхождение нового «служилого дворянства» окажет сильное влияние на все аспекты политической системы и политического процесса.

Если говорить о системе международных отношений, здесь имеются два мощных источника изменений:

1. Решение Китая ускоренно расширять внутреннее потребление, снижая экспортную, технологическую и финансовую зависимость от США.
2. Переконфигурация участия России в мировом разделении труда, форсированная специальной военной операцией.

На оба эти вызова Запад ответил санкциями, которые сразу же превратились в попытку залить огонь бензином. Санкции существенно стимулировали все объективные и субъективные факторы, способствующие деградации современной неокOLONиальной глобальной системы. Наше внимание обычно сфокусировано на санкциях против России, но не меньшее (а, возможно, и большее) воздействие на систему международных отношений оказывают санкции США против Китая.

Санкции показали, что многие «универсальные блага и принципы» мирового рынка (например, безопасность торговых путей, свобода движения капитала, транснациональные производственные цепочки и пр.) активно используются как орудия экономического неокOLONиализма и политического господства США. Проблема в том, что

такое господство – в силу множества причин как внутри США, так и за их пределами – пришло в решительное противоречие с основными глобальными трендами.

В дальнейшем глобализация будет осуществляться в формате кластеризации мира. Кластеры – обширные практически самодостаточные регионы планеты – будут более сфокусированы на собственном развитии, нежели на взаимодействии с внешним миром. В каждом кластере уже сейчас возникает своя сумма критических технологий (микроэлектроника, биотехнологии, производство средств производства, космическая и военная промышленность и пр.). Каждый кластер стремится вовлечь в свой состав территории с необходимым набором природных ресурсов. В каждом кластере уже сейчас культивируются свои этические ценности, свои правила взаимодействия, своя международно-правовая база, свои технологические стандарты. При сохранении физической и информационной связанности мира, кластеры становятся более отличными друг от друга и более замкнутыми межнациональными объединениями. Один из ключевых вопросов современной глобальной трансформации – как скоро и с какими потерями (для себя и для всей планеты) США смогут найти свое место и согласиться со своим местом в новом мире.

Кластеризация (вкуче с кибер-трансформацией) изменит, конечно, не только сферу внешних отношений, но и внутреннее социально-политическое устройство. Россия (как центр одного из мировых кластеров), очевидно, включится в общий тренд формирования нового общества – более регулируемого, менее индивидуалистичного и потребительского, более милитаризированного и мобилизованного. Одна из очевидных на сегодняшний день технологий, которая призвана формировать облик нового общества, – рейтинг социального доверия (РСД) с элементами политического искусственного интеллекта. Подобные системы активно создаются, тестируются и используются как на Западе, так и на Востоке, хотя и воспринимаются полярно: или как продукт заговора рептилоидов, или как эманация принципов социальной справедливости.

Д. Мак-Шисей и М. Симс следующим образом резюмируют назначение РСД в Китае: «В двух словах, основным нововведением, когда РСД будет полностью реализован, может быть то, что каждый гражданин Китая получит оценку, измеряющую его искренность, честность и порядочность. И что эта оценка станет основным фактором, определяющим жизнь граждан Китая. Например, РСД определит, может ли гражданин получить кредит, арендовать квартиру, купить билет на самолет или получить привилегированный доступ к больницам, университетам и государственным службам» [Mac Síthigh D., Siems M. The Chinese Social Credit System: A Model for Other Countries? // The Modern Law Review. 2019. Vol. 82. № 6. P. 1034–1071. DOI: 10.1111/1468-2230.12462].

Попытки Китая создать РСД третируются с высоты западной антиутопической литературы. Но внутри Китая РСД рассматривается, скорее, как кибер-воплощение справедливости. Полагаем, что

речь идет, на самом деле, не о какой-то «китайской специфичной» справедливости, а о такой справедливости, которая разделяется, по меньшей мере, и русскими, и многими западными народами.

Какие вопросы будет с тревогой задавать себе человек будущего? «Смогу ли я въехать в крупный город или сесть на поезд, если мой сын – террорист?», «Смогу ли поступить на преподавательскую должность в школу или университет, если я допускал русофобские высказывания?», «Смогу ли я рассчитывать на достойную пенсию, если я участвовал в чайлдфри-движении?», «Смогу ли я поселиться в хорошем районе, если мне доводилось вести бизнес с мафией?», «Смогу ли я приобрести оружие, если у меня несколько штрафов за грубое вождение?». Возможно, общество будет значительно совершеннее и стабильнее, если подобные вопросы будут хотя бы теоретически возникать и осмысляться гражданами.

Искусственный интеллект (анализирующий большие данные) способен «увидеть» буквально каждого гражданина – его жизненную траекторию, позицию, характеристики, поведение, настроения, мотивы и цели – и выстроить политику специально для него. Следовательно, политический ИИ откроет возможности полной персонализация политики – политики некоего субъекта (будь то общество, государство, мега-корпорация, спецслужбы и пр.) по отношению к отдельному гражданину.

«Культура отмены», изначально слабо выраженная в российском обществе, тем не менее, развивается. Более того, имеются объективные предпосылки для того, чтобы социальный остракизм стал лейтмотивом отношения друг к другу различных (в социальном, культурном и идеологическом смыслах) групп.

Под воздействием «культуры отмены» идейно-духовное расслоение социума (которое, на самом деле, возникло вовсе не вчера) рефлексивируется, вербализируется и кристаллизуется – становится весомым фактором социальной жизни и политического процесса. Это расслоение между ориентированной на Запад русофобской интеллигенцией (вкуче с компрадорской буржуазией) и тем социальным субъектом, который (может быть, не совсем точно, но весьма эффективно) был обозначен как «глубинный народ». Ядро этого социального субъекта – силовики, восходящее «служилое дворянство», промышленники, интеллектуальная элита. Будучи отрефлексированной, «культура отмены» становится институтом социальной ненависти в российском обществе на долгие годы.

Можно ли такую ситуацию рассматривать как однозначно отрицательную? Мы привыкли думать, что любые разделения и конфликты чрезвычайно вредны для консолидации общества и стабильности государства. Однако это всего лишь идеальная схема. Опасен не сам идейно-духовный конфликт, а его неконтролируемый рост и хаотичная траектория. Любое здоровое общество нуждается в некоторых дозах социального неприятия – в нетерпимости к социально опасным явлениям – и в частности, к целенаправленному культивированию русофобии и консюмеризма. Воюющее общество

(если оно рассчитывает на победу) не может позитивно или просто безучастно относиться к релокантам и пораженцам. Это простая и естественная политическая истина может быть заштрихована в общественном сознании посмодернистским дискурсом, но не может быть отменена.

Политические решения по урегулированию конфликта будут исходить из ситуации «на земле», то есть из положения фронтов и способности сторон вести военные действия.

Дальнейший ход СВО, конечно, описывается несколькими сценариями. Указать на какой-то один наиболее вероятный вариант довольно трудно, вследствие недостатка специальной военной, экономической и политической информации. Однако с позиции внешнего наблюдателя (на основании открытых данных) можно обрисовать инерционный сценарий. Он представляет собой затяжной конфликт, для которого характерна «сирийская» тактика и стратегия (конечно, с большой поправкой на масштаб ТВД и мощь вовлеченных сил). Выбор Россией «сирийского» сценария, очевидно, продиктован стремлением к минимизации потерь – как для российских войск, так и для экономики. Ставка, вероятно, сделана на медленное и аккуратное продвижение и системный подрыв жизнеспособности противника. Речь идет о жизнеспособности и украинской армии, и всей экономической инфраструктуры Украины.

На данный момент, такая «сирийская» тактика и стратегия оказались успешными: потери войск несоразмерно малы по сравнению с потерями противника, российское общество и экономика очень быстро – можно сказать, стремительно – адаптируются к реалиям СВО, не утрачивая способности к поступательному развитию.

С другой стороны, подобный длительный конфликт вполне по силам Западу в том случае, если очередной глобальный кризис не подорвет окончательно остатки межэлитного консенсуса в США и Европе.

Поскольку СВО представляет собой по существу противостояние между Россией и Западом, окончиться операция может лишь «компромиссной победой». Для одной стороны это будет победа под видом компромисса, для другой – компромисс под видом победы. Причем, Украина окажется проигравшей в результате любого исхода, поскольку компромисс будет достигнут именно за ее счет. Она, во-первых, утратит территории, во-вторых, понесет колоссальные экономические и инфраструктурные потери и, в-третьих, украинцы лишатся государственности на большей части прежней территории (в том смысле, что там уже не будет «государства украинской нации»).

В таком – «сирийском» – течении конфликта важен учет баланса потерь противников. Сейчас время работает на Россию. Если в будущем баланс потерь сместится в другую сторону, то вполне вероятно, руководство России согласится заморозить статус-кво или решится на масштабные действия на фронте. Соответственно, задачи Запада сводятся, в сущности, не к военному разгрому России, а к увеличению цены вопроса для России в целом.

Если Запад в принципе не нацелен на окончание войны, а Россия рассчитывает достичь своих целей в рамках медленного «сирийского» сценария, СВО может продолжаться более двух лет. Это, конечно, не исключает скоротечных вариантов, инициированных обстоятельствами, не учтенными в рамках инерционного сценария.

Зуляр Юрий Анатольевич, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, руководитель Иркутского регионального отделения РОП

СВО изменила жизнь и настроения большинства россиян

Проведение СВО потребовало проведения в России глубоких системных социально-экономических преобразований. Этот процесс, на мой взгляд, находится в самом начале. Проблемой является то, что данное реформирование не заявлено руководством страны как цель, отсюда не озвучены и ее задачи, формы, способы, инструменты, ресурсы, руководящий центр и т.д. До сих пор отсутствует методологическое (идеологическое) обоснование СВО как феномена внешней и внутренней политики. Понятно, что происходящее давно вышло за рамки военной спецоперации. СВО мы понимаем в том виде, в котором она осуществляется в Сирии. Надеюсь, что ответы на некоторые вопросы мы услышим от президента В.В. Путина во время его оглашения Послания Федеральному собранию 21 февраля 2023 года (*экспертный опрос проводился до 21 февраля – Прим. РОП*).

Вместе с тем, по истечении года со дня начала СВО можно констатировать, что жизнь и настроения большей части населения страны изменились. В первую очередь это касается семей и родственников воинов, участвующих в боевых действиях, и призванных в ходе частичной мобилизации. Но, и у других граждан РФ, если не на бытовом и производственном, то однозначно на уровне сознания вернулось осознание, осмысление и понимание такой политической ценности, как патриотизм. Причем речь идет не о виртуальном отнесении себя к патриотам или непатриотам, или к неопределившимся, речь идет о конкретной деятельности в плане данного позиционирования.

Повлияла ли на российское общество «культура отмены»? Процесс этот для общественного сознания не однозначный. Но, есть в мире неписанное правило, традиционно нарушаемое россиянами: «не говорить плохо о своей стране». Сейчас, когда решается вопрос не только о будущем России, но и о праве ее суверенного существования, говорить о ней плохо или в разрез, может только предатель. И при другом варианте – за деньги, причем не конкретно за это полученные, а из-за страха потери уже имеющихся. Это не меняет дело, это то же самое. За 30 постсоветских лет, ценность патриотизма по-

крылась коррозией и забвением, поэтому такого вида предательство не вызывает массового возмущения. Творческая элита пытается защитить своих отвергаемых коллег, их правом на свободу слова. Но значительная часть граждан РФ считает, что это не об этом. В мире политики периодически приходится выбирать только из двух позиций: ты за свою страну, или против.

Все войны кончаются перемирием, в данном случае вопрос «Кого с кем?». Украина здесь не субъектна, и ее судьба в любом случае печальна. Вместе с тем, надо отдавать себе отчет в том, что если бы Украина (народ, правящий класс, руководство) не захотела бы воевать с Россией, то США не смогли бы ее заставить. То, что мы видим, есть очередной акт борьбы англо-саксонской цивилизации против русской. Борьба эта началась не вчера, и не завтра закончится, и в ней горячие фазы – эпизодичны, а после них всегда наступает длительная фаза охлаждения. Думаю, что и нынешнее столкновение, не станет исключением из правил.

Казаков Александр Александрович, профессор кафедры политических наук Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, доктор политических наук

«Худой» мир чреват внутренними потрясениями

По моим ощущениям, СВО стала ключевым событием не только 2022 года, но и, вполне вероятно, всего десятилетия (а то и более длительного периода времени). Соответственно, и ее влияние почти наверняка будет очень масштабным. Причем то, что мы наблюдаем и чувствуем сегодня, скорее всего, является лишь частью тех процессов, которые запустила спецоперация. Думаю, что в полной мере осознать ее значение нам еще только предстоит. Большое, как говорится, видится на расстоянии.

Однако и уже сейчас очевидны весьма серьезные изменения, произошедшие под воздействием СВО. Внутри страны они видятся мне довольно неоднозначными. С одной стороны, большая часть общества поддержала решение Президента России начать военную кампанию на Украине. По данным ВЦИОМ, рейтинг главы государства в феврале текущего года забрался до «заоблачных» 79%, а протестные настроения, напротив, ослабли. Патриотично настроенные граждане искренне переживают за то, что происходит, помогают собирать необходимые бойцам вещи и военное оборудование. Новое дыхание и популярность приобрело волонтерское движение. В состав России, наконец, вошли четыре новых субъекта.

С другой стороны, общественная поддержка спецоперации темпорально не безгранична. Результаты ежемесячных замеров «Левада-Центра» (признан в России иноагентом) говорят о том, что с течением времени уровень поддержки СВО, во-первых, имеет пусть незначительную, но тенденцию к снижению, и, во-вторых, подвержен влиянию успехов или неудач на фронте. Стало быть, при не са-

мом удачном для нас развитии событий многое в данном смысле может измениться. К тому же, при всем относительном единстве отношения к СВО, есть и противоположное мнение. Кто-то просто не поддерживает происходящее, но при этом не предпринимает конкретных действий. Кто-то покинул страну. Кто-то открыто заявляет о своей позиции, не боясь критиковать действия Кремля и бросая тем самым своеобразный вызов как власти, так и большей части российского общества. На самом деле, ничего хорошего в таком расколе нет. Что будет с ним дальше, пока сказать очень сложно.

На внешнем же контуре эффекты СВО более однозначны. Почти все страны Запада не только осудили Россию и перевели свой санкционный конвейер в режим нон-стоп, но и начали оказывать прямую военную и финансовую помощь Украине. Не будь этой поддержки, военные действия, уверен, уже завершились бы нашей победой. Страны Азии, Востока, Африки и Латинской Америки заняли выжидательную позицию: выступая за мирное разрешение конфликта, они, тем не менее, нам как минимум не мешают.

На мой взгляд, «культура отмены» в гораздо большей степени повлияла на те общества, в которых она распространилась. Мы же сами никого и ничего не отменяли. Поэтому и говорить здесь особенно не о чем. Возможно, «культура отмены» затронула лишь наиболее чувствительных наших сограждан и тех, кто непосредственно, по роду своей профессиональной деятельности от этого пострадал. Основная же часть общества вряд ли как-то вообще почувствовала на себе какую-либо «отмену».

Каковы условия и возможности урегулирования данного конфликта в среднесрочной перспективе? В глобальном смысле я вижу два варианта развития событий: военный и «мирный». Первый предполагает ведение боевых действия до полной победы одной из сторон. Убежден, что проиграть Россия в этом плане просто не может. Хотя бы в силу того, что у нас есть ядерное оружие, которого должно быть достаточно для уничтожения любого супостата (даже США). Вопрос лишь в том, что должно произойти и сколько людей (военных, гражданских, русских, украинцев, иностранцев) еще должны погибнуть, чтобы наша страна реализовала, наконец, свой военный потенциал (для этого, кстати, вовсе не обязательно использовать ядерный арсенал) и добилась убедительной победы.

Второй вариант подразумевает то, что на определенном этапе стороны (Россия и Запад в лице Америки) сядут за стол переговоров и попытаются найти компромисс. Получится ли это сделать и, если да, то насколько устойчивым окажется мир, никто не знает. Что это будет: условные «Минск-3» или «Брест-Литовск», расширенные приднестровский или корейский варианты, новый «Хасавюрт» или «Стамбул 2.0»? Вариантов много.

Имеющийся у нас опыт заключения не самых выгодных для себя мирных соглашений закономерно привел к тому, что само упоминание каких-либо переговоров у многих вызывает оскомину. В этом смысле, как мне видится, действующей российской власти следует

быть особенно осторожной в данном процессе. Любой мир, заключенный на основе заведомо неприемлемых для россиян «компромиссов», вполне может привести к непредсказуемым последствиям внутри страны. Люди справедливо будут требовать ответов на вопросы о том, за что погибло столько (сколько именно – нам говорят очень редко) людей, зачем были разрушены города и поселки бывшего юго-востока Украины, ради чего мы терпели санкции, международную (в контексте западного мира) изоляцию и т.д. Однако уже сейчас очевидно, что переговоры, если и будут, то не с украинским руководством (хотя формально стороной переговоров может быть и оно), а с их зарубежными спонсорами и покровителями. На данный момент готовности к обсуждению возможностей мирного урегулирования с их стороны не просматривается.

Керимов Александр Алиевич, профессор кафедры политических наук Уральского федерального университета имени Б.Н. Ельцина, доктор политических наук, руководитель Свердловского областного регионального отделения РОП

Шансов на мирное урегулирование конфликта остается все меньше

С начала военных действий уже прошел год. Невозможно не заметить негативное влияние этих действий на общественно-политическую ситуацию, как в России, так и в мире в целом. Социальный климат из-за санкций в стране ухудшился. Россияне столкнулись с ростом цен на потребительские товары и услуги, выросли цены на жилищно-коммунальные услуги. Нельзя сказать, что страна вышла на плато кризисной ситуации. Принимаемые Западом санкционные меры экономического характера и в дальнейшем продолжат оказывать негативное влияние на социальное самочувствие россиян.

В политическом плане ожидаю дальнейшего усиления авторитарных тенденций с сужением поля демократических прав и свобод граждан и ужесточением системы запретительных мер. Было бы неправильно льстить себе надеждой, что российская экономика и политическая система полностью адаптировались к санкционному давлению.

Нельзя отрицать, что негатив, связанный с известными событиями, обошел стороной страны мира. Мир еще не успел «переварить» последствия пандемии и столкнулся с новыми вызовами, которые, хотя и в меньшей степени, влияют на уровень жизни населения большинства стран мира.

«Культура отмены» как современная версия остракизма, безусловно, способна повлиять на любое общество. Ведь в современном мире ни одно общество, за редким исключением, не является замкнутым и гомогенным, в нем существуют различные страты и социальные группы, с определенным уровнем потребления товаров и услуг и степенью вовлеченности в общемировые тенденции экономического и культурного развития. Это в полной мере касается

и российского общества, где люди сталкиваются с определенными ограничениями, вызванным санкциями, введенными в отношении России. Российское общество еще долго будет испытывать на себе последствия «культуры отмены».

К сожалению, как показывает ход событий, шансов на мирное урегулирование конфликта остается все меньше и меньше. Такое ощущение, что все ждут и верят в решение проблемы только на поле боя. Но поиск компромисса должен продолжаться. Если под среднесрочной перспективой подразумевать период времени в 2-3 года, тогда можно предполагать, что результаты президентских выборов в России и Соединенных Штатах могут оказать решающее влияние на урегулирование конфликта.

Коньков Александр Евгеньевич, доцент, заместитель заведующего кафедрой политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

Российскому обществу и государству удалось сформировать состояние «новой нормальности»

Масштабирование украинского кризиса в 2022 году запустило процессы значительной трансформации во всем мире. При этом для России начало и дальнейший ход СВО сформировали принципиально новый фактор, который стал определять актуальную динамику как политических, так и социально-экономических процессов во всем их многообразии. Важно отметить, что обществу и государству довольно оперативно удалось преодолеть предсказуемые шок-овые последствия выхода на вооруженную стадию конфронтации с коллективным Западом и сформировать состояние «новой нормальности» в условиях все более растущей неопределенности, обусловленной боевыми действиями на Украине.

Российский социум не просто сумел быстро мобилизоваться и солидаризироваться с целями и задачами СВО, а также приоритетами соответствующим образом переориентирующей внешней и внутренней политики, но и самостоятельно выработать ясные критерии различения привычных жизненных моделей и установок с точки зрения их соответствия текущему моменту.

Что касается остального мира, то в разных его частях трансформационные процессы развиваются по-разному. Несмотря на централизованные попытки политического Запада изолировать Россию вплоть до так называемой «отмены» всего русского там, где это возможно, в отдельных частях мира внутри различных обществ, стали проявляться обратные тенденции поддержки российской политики или, как минимум, ее понимания, интереса к тем мотивам, которые обусловили начало СВО.

«Культура отмены» как одно из проявлений модных тенденций западного псевдоинтеллектуального дискурса характеризуется

весьма ограниченным во времени горизонтом социального воздействия. Изначально наталкиваясь на массу противоречий внутри самого либерального мейнстрима (под «каток» отмены стали попадать те, кто изначально не планировался), это явление довольно быстро перестало оказывать должный эффект – возможно, именно попытки распространить «культуру отмены» на все русское ускорили осознание всей абсурдности такого рода подходов. Вполне предсказуемым образом понимания в российском обществе такого явления не нашло – скорее, наоборот, стало дополнительным драйвером общественной солидарности в неприятии подобных попыток.

Говорить об урегулировании конфликта все сложнее по мере его развития – и это один из ключевых парадоксов текущей ситуации. Окончательный исход будет определяться сугубо в контексте отношений между Россией и США, возможно, с привлечением Китая. Все остальные участники конфликта, включая страны Европы и саму Украину, могут способствовать (при наличии такой воли) поиску инструментом лишь временного перемирия и закрепления на весьма ограниченную временную перспективу некоего гипотетического статуса-кво. Пока что ключевые участники не демонстрируют наличия оснований для готовности решения имеющихся противоречий.

Корнев Евгений Сергеевич, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, эксперт Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, кандидат исторических наук

Для России нет смысла соглашаться на промежуточные варианты решения украинского вопроса

Специальная военная операция, безусловно, оказала довольно большое влияние как на социально-политическую ситуацию в России, так и в отдельных государствах мира, прежде всего, на постсоветском пространстве и в Европе. Вместе с тем стоит отметить, что в некоторых регионах мира, например, в Латинской Америке или в Юго-Восточной Азии жизнь принципиально не изменилась. Конечно, экономики многих стран столкнулись с косвенным влиянием санкционных войн в отношении РФ, в результате чего могли активизироваться инфляционные процессы, но, в целом ничего критического в социально-политическом плане с ними не произошло. Стоит констатировать, что большинство государств, расположенных на других континентах, далеко от зоны украинского конфликта, предпочли не вмешиваться в геополитическое противостояние России и Запада, чтобы минимизировать свои возможные риски от выбора той или иной стороны.

Вопрос по поводу «культуры отмены» является весьма дискуссионным и многомерным по своей сути. Если говорить о «культуре отмены» как о попытке стран Запада «отменить» Россию или россиян, то она воспринимается подавляющей частью нашего общества как несправедливая и обреченная на провал политика. Однако и в самой России сегодня есть те, кто готов на практике реализовывать установки «культуры отмены». Это, например, отчетливо видно в сфере искусства, поскольку многие творческие люди по-разному восприняли начало специальной военной операции, что привело к серьезным конфликтам в этой среде на политической почве и попыткам одних «отменить» других.

Любой военный конфликт так или иначе может быть урегулирован, по сути, лишь двумя способами. Либо одна сторона добивается решающего преимущества на поле боя и завершает боевые действия в свою пользу, диктуя проигравшему условия мира, с которыми он вынужден согласиться, либо обе стороны не могут добиться перевеса и склонить чашу весов в свою пользу, тогда они вынуждены искать компромисс за столом переговоров. Причем второй вариант может означать «заморозку» конфликта, в том числе и довольно длительную.

Очевидно, что полноценный переговорный процесс России и Украины завершился весной 2022 года. При этом Москва и после этого демонстрировала готовность к новым переговорам, но только при условии учета ее интересов и наличия реалистичной платформы для обсуждения. Киев же в свою очередь стал предлагать, как раз нереалистичные формулы для запуска диалога, достаточно вспомнить хотя бы заявление президента Украины В. Зеленского о необходимости возвращения к границам 1991 года, для того чтобы запустить дипломатическое урегулирование конфликта. Естественно, что российское руководство не может согласиться с такими ультимативными условиями, выдвигаемыми украинской стороной, которые к тому же не отображают реальную картину дел на поле боя.

Потенциально урегулирование данного конфликта в среднесрочной перспективе возможно, в том случае если будут выполнены ключевые задачи специальной военной операции. Для России теперь уже нет смысла соглашаться на промежуточные варианты решения украинского вопроса, поскольку это неминуемо будет означать, что националистическое руководство Украины после определенной передышки, получив серьезную военную поддержку со стороны Запада, возобновит военные действия. Причем, во второй фазе такого вооруженного противостояния страны НАТО могут действовать более открыто и агрессивно. Так что решать все придется сначала на поле боя, и только потом уже за столом переговоров, когда у нас будет очень сильная переговорная позиция. При этом в реальности договариваться нужно будет не с марионеточным киевским режимом, а, прежде всего, с его западными кураторами, в первую очередь с США, от которых нужно будет добиваться соблюдения в полной мере гарантий безопасности для России.

Кошкин Андрей Петрович, заведующий кафедрой политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор политических наук, профессор, эксперт Ассоциации военных политологов

Россия становится единым боевым лагерем

Специальная военная операция – это точка отсчета нового вектора мироустройства не только в Европе, но и во всем мире. Мы являемся свидетелями тектонических сдвигов в геополитической плоскости. Однополюсный мир во главе с США начинает трансформироваться, поднимаются новые центры силы: Китай, Бразилия, Индия. СВО только ускоряет эти процессы. Если Россия выстоит и мирное соглашение будет подписано на условиях России, то западный мир будет вынужден предложить новую форму не только диалога с Россией, но и отношений внутри своих интеграционных платформ.

На данный момент есть четкое понимание, что, создавая кризис вокруг Украины, США ставили перед собой цель не только «отменить» Россию (разрушить экономическую сферу, измотать на поле боя), но и рассчитаться со своими союзниками в Европе. Трансатлантическое единство, в котором активно задействовано политическое руководство европейских государств, готово исполнять все указания из Вашингтона даже в ущерб самим себе, в ущерб своим избирателям. США готовы бросить в топку не только новые массы людей, но и государства.

Что касается ситуации в России, то частичная мобилизация вызвала серьезный социальный стресс. С одной стороны, мы получили несколько миллионов выбывших за границу. С другой стороны, мы получили ярко выраженный отряд патриотически настроенных граждан, людей, добровольно отправившихся на линию боевого соприкосновения. Встал вопрос о необходимости их обучения, снабжения, о создании соответствующей инфраструктуры. Параллельно с этим происходит трансформация в массовом сознании: мы перешли к военному пониманию окружающих нас процессов, например, пересмотрели свое отношение к деятелям культуры, покинувшим страну. Несмотря ни на что, в обществе сейчас явно прослеживается тенденция консолидации: Россия становится единым боевым лагерем, который обеспечивает победу на линии боевого соприкосновения.

Действительно, после начала специальной военной операции мы в очередной раз убедились, как к нам относятся. Следствием «культуры отмены» стала известная степень дифференциации в обществе, когда отдельные лица стали утверждать, будто мы должны уговаривать Запад нас любить. Это опасное заблуждение, потому что Запад никогда не пойдет на это в ущерб своим интересам. Разумеется, основными инструментами «культуры отмены» стали санкции. До начала спецоперации их было 3 000, сейчас уже более 13 000. Однако Запад не знает нашей экономики, о чем свидетельствуют грубые ошибки европейских прогнозов в отношении «краха» российского

ВВП (вместо предрекаемых 20-22% реальное снижение составило всего 2,1%). СВО дала нам гораздо больше возможностей, чем мы могли предполагать: мы бы никогда не отказались от своих олигархов, никогда бы не занялись импортозамещением. Европа рассчитывала на упадок России после разрыва всевозможных связей, а в итоге мы не просто получили прибыль от роста цен на энергоносители, но и вложили эту прибыль в изменение логистики с Запада на Восток (в пользу Индии, КНР и Турции).

Инструментом урегулирования конфликта станет соглашение. Главный вопрос - на чьих условиях садиться за стол переговоров. Захватить как можно больше территорий и поставить вопрос о подписании мира – такую модель сейчас активно продвигают на Западе. В России это прекрасно понимают и готовятся к подобным действиям. Что касается сроков, то существует возможность поиска точек соприкосновения в течение полугода. Складывается впечатление, что в Европе НАТО исчерпала свои действия, поэтому фокус внимания смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. Об этом свидетельствует визит генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга в Южную Корею и Японию. Самой ценной возможностью в такой ситуации является наша открытость и готовность к переговорам без каких-либо условий.

Кузьмин Николай Николаевич, кандидат философских наук, руководитель регионального отделения РОП в Республике Крым

«Культура отмены» стала элементом пропаганды для обеих сторон конфликта

СВО изменила мир и Россию в двух направлениях: увеличение ясности и сплочения. В мире СВО перевела вялотекущее противостояние России и Запада в явное с четкой локализацией места и проблем конфликта. С другой стороны, обострение противостояния с Россией сплотило Запад, элиты которого сделали свой однозначный выбор.

В России СВО, с одной стороны, обнажила проблемы, которые ранее не были четко проявлены и артикулированы, в том числе и в общественном дискурсе, с другой – сплотило общество. Меньше ясности в путях дальнейшего развития страны, но все же представления об этом стали определеннее, чем были год назад.

Еще необходимо отметить снижение значения экономической рациональности в поведении ведущих мировых акторов. Выбран приоритет идеологической, политической и геополитической рациональности. В этом смысле мир стал гораздо более постматериалистичен, только в ином значении, чем это предполагал покойный Рональд Инглхарт.

«Культура отмены» стала элементом пропаганды для обеих сторон конфликта. На Западе таким путем накачивали антироссийскую истерию, демонстрировали свою готовность идти до конца. В свою

очередь, для России этот процесс, запущенный в западных странах, стал своеобразным «подарком». Эти нелепые архаические действия, яркие примеры пропагандистских атак на образцы высокой культуры очень хорошо помогли государственной пропаганде для демонстрации того, что Запад противостоит не правящему режиму, а исторической России.

Такого рода факты вполне предсказуемо способствовали сплочению российского общества. Образно говоря, Запад сам себе «выстрелил ногу» и дал аргументы для лучшего донесения до российских граждан тезиса об экзистенциальном характере нынешнего противостояния с Западом.

В существующей ситуации «медленной СВО» перспектив урегулирования конфликта не просматривается, даже в среднесрочной перспективе. Образы как победы, так и возможного компромисса у России, Украины, Запада слишком далеки друг на друга и их не получится совместить методами стандартных переговоров. Все стороны выражают готовность к продлению сложившейся ситуации, а Запад, похоже, именно в этом видит свою стратегию.

Перспективы урегулирования зависят от изменения ситуации на театре военных действий, в уровне военного противостояния вне его, в мировой экономике, в отношениях между государствами вне Запада. Только фундаментальные изменения в этих сферах могут повлиять на картины мира участников конфликта и изменить их представления о том, какой результат урегулирования для них является приемлемым.

Мартынов Михаил Юрьевич, заведующий лабораторией социологических и правовых исследований кафедры политико-правовых дисциплин, руководитель научно-образовательного центра Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа-Югра, доктор политических наук, руководитель регионального отделения РОП в ХМАО-Югре

СВО прервала процесс глобализации под доминированием Запада

На ситуацию в мире СВО оказала глубокое влияние. Был прерван процесс глобализации под доминированием Запада. Противостояние России против США усилило роль стран азиатского и южно-американского континентов, способствовало формированию ими собственных геостратегических регионов. Особенно большую роль играет переход к расчетам в национальных или альтернативных валютах.

Что же касается влияния СВО на социально-политическую ситуацию в России, то оно незначительно. Главное – почти не изменилась экономическая политика правительства, она по-прежнему остается монетаристской. Рубль не стал инструментом развития. Продолжается вывоз капитала. Новые производства, несмотря на острую по-

требность, почти не возникают. Власть по-прежнему сосредоточена на внешней политике, и почему-то уверена, что добьется геополитических целей без решения вопросов экономического развития страны.

Основную часть общества «культура отмены» не коснулась. Хотя граждане чаще ее поддерживают, но как пассивные зрители.

Каковы условия и возможности урегулирования данного конфликта в среднесрочной перспективе? Возможности есть, хотя нужны большие усилия. Результатом специальной военной операции должен стать мирный договор. Но необходимо найти такие его формулировки, которые не ставили бы другую сторону в положение проигравшей. Например, предложить Украине денежную компенсацию за присоединенные к России территории. Тем более, что Запад все равно имеющиеся за рубежом средства конфисковал, и их можно зачесть как такую компенсацию.

И есть условие для обеспечения безопасности России: мирный договор и фактический пересмотр границ должен произойти в рамках международной конференции, закрепляющей эти изменения. Кроме того, на ней должен быть обеспечен внеблоковый характер пограничных с Россией государств. Если это условие не будет выполнено (что, скорее всего и произойдет), то запасным и очевидным действием России должен стать отказ в новых геополитических реалиях от соблюдения договора СНВ-2 и, например, форсирование работ по восстановлению и развертыванию систем баллистических ракет железнодорожного базирования.

Мостяев Юрий Николаевич, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, кандидат исторических наук, руководитель Рязанского регионального отделения РОП

В мире формируется новый неустойчивый расклад сил и союзов

Специальная военная операция оказала и будет оказывать серьезное влияние на очень многие сферы жизни, в том числе, как и внутри самой России, так и на мир в целом. Несмотря на то что российская экономика в условиях невиданных до сих пор санкций и резкого увеличения военных затрат продемонстрировала свою устойчивость, перед ней встали серьезные проблемы с наполняемостью бюджета и продолжением крупных инфраструктурных проектов. Заморозка многих из них, в том числе из-за проблем с техническим оснащением, может отрицательно сказаться на социально-экономическом положении страны, что в свою очередь ослабит позиции политической власти. В этих условиях встанут серьезные проблемы перед многими регионами, которые не в силах нормально функционировать без поддержки со стороны центра.

При этом СВО во многом сплотила россиян вокруг своего лидера, подавляющее большинство населения выступило в поддержку действий власти. При этом произошел и глубокий раскол большинства с определенной частью населения, выступившего против СВО и постаравшегося всячески откеститься от своей страны. В стране наметился подъем гражданской активности.

В мировом масштабе можно выделить несколько наиболее значимых последствий развития СВО. Несомненно, что резко усилилась тенденция милитаризации экономик многих стран в связи с огромными затратами различных видов вооружения в ходе военных действий. Громко стали раздаваться призывы к использованию ядерного оружия для решения конкретных задач. В мире формируется новый расклад сил и союзов, которые носят достаточно неустойчивый характер. Происходит передел сфер влияния в мире. Во многих странах происходит раскол общества относительно дальнейшей поддержки Украины финансово и военным ресурсом в силу ухудшения социально-экономического положения значительной части населения той же Европы.

«Культура отмены» серьезно повлияла на некоторые социальные слои и группы российского населения. При этом следует отметить, что действует она значительно мягче, чем в тех же самых Соединенных Штатах. С помощью «культуры отмены» оказалось возможным серьезно повлиять на медийные личности. От имени общества стало возможным удалить из медиапространства дискредитирующие материалы. Пока еще ее влияние на политическую повестку дня не столь сильное, но начинает расти. Есть опасения, что это будет препятствовать свободе выражения мнения и может привести к травле за некоторые высказывания, а не за противоправные деяния.

Каковы условия и возможности урегулирования данного конфликта в среднесрочной перспективе? Можно согласиться с несколькими возможными сценариями развития событий. Продолжение военных действий в вялотекущем режиме с целью истощения ресурсов Запада и Украины и принуждения их к миру для закрепления существующего положения. Россия старается предпринять все усилия, чтобы военные действия не затрагивали напрямую большую часть населения и экономики. Но при этом варианте велика вероятность нового военного конфликта в обозримом будущем, что не хотелось бы.

Другой сценарий предусматривает эскалацию конфликта с его выходом на совершенно иной уровень открытой и официально объявленной войны. Ресурсы России значительно превосходят украинские и шансы на успех есть при значительных рисках. Наиболее горячие головы предлагают для решения конфликта прибегнуть к применению тактического ядерного оружия, что может иметь непредсказуемые последствия. Наиболее вероятен первый вариант при учете возможностей негласных договоренностей между Россией и Западом.

Реутов Евгений Викторович, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат социологических наук, эксперт Белгородского регионального отделения РОП

СВО стала триггером экономической и технологической суверенизации

Влияние СВО на российское общество оказалось многоаспектным, в ряде аспектов – достаточно существенным и, исходя из незавершенности процесса и СВО, и вызванных ею изменений, долгосрочным, с уже проявившимися и потенциальными эффектами, а также – по некоторым векторам изменений – труднопрогнозируемым.

В социальном аспекте изменения связаны с ценностной консолидацией большей части общества, с развитием активных практик коллективных действий – хотя и у меньшей части россиян. Вместе с тем, произошла и ценностная поляризация. Значительная часть россиян, являющихся идейными оппонентами российской элиты и политического курса, еще в большей мере ужесточили свое отношение к ним, а также и к лоялистскому большинству российского общества. Большая часть оппонентов режима просто ушли в глухую оборону, многие эмигрировали, но некоторые открыто демонстрируют свое несогласие с актуальной политикой.

В экономическом плане СВО стала триггером экономической и технологической суверенизации с пока еще неопределенным результатом и способствовала усилению роли государства в экономике – через рост госзаказа в ОПК, через прямое и косвенное инвестирование посредством льготного кредитования, институтов развития и пр.

В демографическом отношении СВО может оказаться серьезным ударом по российскому обществу – в зависимости от ее длительности. Прямые (гибель, эмиграция) и косвенные (от алкоголизации, роста преступности и пр.) потери могут оказаться достаточно высокими, и они затрагивают, прежде всего, мужчин в репродуктивном возрасте. Присоединение новых территорий и беженцы в Россию, безусловно, могут с лихвой компенсировать демографические потери, но их интеграция в российское общество – пока еще под вопросом.

В культурном аспекте российское общество стало более однородным, и эта однородность имеет и свои достоинства, и недостатки. Культурно гомогенное общество более консолидировано и способно к мобилизации (в широком смысле) в случае угроз, но менее адаптивно в ситуациях постепенных изменений и менее способно к инновациям.

Повлияла ли на российское общество «культура отмены»? Любое внешнее давление вызывает противодействие – либо симметричное, либо асимметричное. Условный «запрет на русское» вызывает неприязнь к чужому – либо в виде аналогичной «отмены», критики, неприятия, либо в виде замыкания в собственной культуре и отказа

от восприятия чего-то нового. Но пока еще эти процессы не зашли далеко, тем более что значительная часть россиян и до введения в действие «культуры отмены» не отличалась склонностью к западной культурной традиции и культурным продуктам.

Конфликт явно приобретает долгосрочный характер – хотя бы в ценностном и социально-психологическом отношении и даже исходя из этого становится труднорегулируемым. Снижению его интенсивности может способствовать получение Россией значительного перевеса на театре военных действий и «замораживание» ситуации в неких границах (что вполне возможно в среднесрочной перспективе), но и в этом случае конфликт как социально-политическое явление продолжит существование.

Саломатин Алексей Юрьевич, член-корреспондент Международной ассоциации сравнительного права, заведующий кафедрой «Теория государства и права и политология», руководитель НОЦ по проблемам сравнительного федерализма Пензенского государственного университета, доктор юридических наук, доктор исторических наук

Сеидов Шахрутдин Гаджиалиевич, профессор кафедры «Государственно-правовые дисциплины» юридического факультета Пензенского государственного университета, доктор политических наук, руководитель Пензенского регионального отделения РОП

СВО глубоко трансформировала систему международных отношений

СВО ускорила логически наметившиеся обострения международных отношений турбулентности в связи со сменой общемировых технологических укладов.

С.Ю.Глазьев, Лапкин, Пантин предсказывали начало очередного цикла на 2018 г. Возможно, он задержался из-за пандемии коронавируса.

Так или иначе, СВО глубоко трансформировала существующую систему международных отношений, усилив ее вектор полицентричности. В этой ситуации главное не ослаблять усилий по сколачиванию антизападной коалиции, обеспечив эту операцию идеологически.

«Культура отмены», т.е. общественный бойкот прозападных элементов является благом для российского общества и необходимо ускорить принятие законодательства о санкциях за антигосударственную деятельность (в том числе и пропаганду) на уровне гражданско-правовых отношений (например, изъятие собственности уехавших и активно выступающих с антигосударственных позиций).

Конфликт следует урегулировать не как иначе, как только с позиций силы. Параллельно с этим следует развернуть пропаганду на украинское общество всеми возможными технологическими средствами (в том числе и путем забрасывания листовок за линию фронта),

использовать при этом юмор и сатиру (в стиле «Крокодила»), энергично дискредитируя Зеленского и приспешников режима.

Возможно, следует подумать о выходе на центральном канале спектакля в стиле Образцова «Необычайный концерт мистера Зеленского».

Черданцев Валерий Вениаминович, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат филологических наук, доцент

Достойный мир заключается после победы

Война – это всегда плохо. Бывают ситуации, о которых лучше всего сказал Черчилль, когда Британия в 1938 году стояла перед выбором: позор или война: Британия выбрала позор и получила войну. Россия так же стояла с 2014 года перед выбором: позор или война. Поначалу, к сожалению, Россия выбрала позор (за блистательным исключением Крыма), но через восемь лет она все равно получила войну. Если бы Россия вступила в это необходимое столкновение раньше, то не было бы ни таких больших потерь, ни столь затяжного характера ожесточенной борьбы. Другое дело, что, с точки зрения многих исследователей, страна тогда к этому совершенно была не готова. Очевидно, что и сейчас страна не вполне готова, но другого достойного выхода, как говорил Путин, просто уже не осталось. Он сам лично очень много сделал для того, чтобы найти иной выход, чтобы не вступать в вооруженный конфликт, но нам, действительно, не оставили выбора.

Повлияла ли на российское общество «культура отмены»? Все познается в сравнении. Наш народ в этом отношении показал себя гораздо лучше, чем представители некоторых европейских народов. Даже во время Великой Отечественной войны у нас никому в голову не пришло отменять деятелей немецкой культуры. У нас не отменяли Рихарда Вагнера, у нас не отменяли Фридриха Ницше, не говорили, что они не существуют. Говорили, что такие взгляды вредны, но ни у кого и мысли не было устраивать костры из книг Ницше, и это в сталинское время. То, что творится в умах людей в европейских демократиях, говорит о том, что глобалистский проект становится все более агрессивным по отношению к тем, кто ему противостоит.

Каковы условия и возможности урегулирования данного конфликта в среднесрочной перспективе? Сейчас необходимы успехи на фронте, без них говорить о решительном продвижении вперед не приходится. Война – это продолжение политики иными средствами. Когда дело доходит до войны, доказывать свою состоятельность приходится уже в ходе боевых действий: методом штурма и натиска, с которых начиналась СВО, или методом долговременной осады, как это происходит сейчас. Самым плохим для России в этих условиях может быть позорный мир. А достойный мир заключается после победы.

Шенин Сергей Юрьевич, профессор Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, доктор исторических наук, профессор

Конфликт на Украине ускоряет формирование условий распада однополярного мира

Конфликт на Украине влияет на социально-политическую ситуацию в мире двояко. С одной стороны, он ускоряет процесс формирования условий для распада однополярного мира на несколько сфер влияния и, в конечном итоге, полюсов. С другой стороны, конфликт позволяет США обеспечить контроль за процессом этого распада, что очень важно для сохранения единства Запада, который, в противном случае, мог бы дезинтегрироваться непредсказуемо, и отдельные его части могли попасть под контроль конкурирующих держав. В рамках сохраняющегося и даже укрепляющегося западного единства США могут перераспределять ресурсы блока таким образом (например, перекачав их в Америку), который позволит пройти блоку фазу глобального структурного кризиса без экзистенциальных потрясений. В России СВО также обеспечивает консолидацию общества, создает условия для выработки идеологической основы государства, формирует предпосылки для проведения масштабных социальных и политических реформ.

В целом «культура отмены» не может осуществляться без наличия координирующего центра, который располагает серьезными идеологическими и материальными ресурсами. В 1990-е гг. в Российской Федерации уже предпринимались попытки «отмены» сторонников коммунистической идеи. Однако идея эта укоренилась в умах большого числа соотечественников и сумела выжить. «Отмена» прозападного либерализма осуществляется в современной России более мягкими методами, поскольку опыт 1990-х гг. показал невозможность быстрого искоренения каких-либо идей без угрозы обострения внутренних конфликтов. Как известно, российское общество склонно активно искать того, «Кто виноват?» в ошибках, сделанных на государственном уровне, но не склонно жестко преследовать виновных. Поэтому в данный момент понимание необходимости «очищения» в обществе присутствует, но не принимает и не примет масштаба всеобщей «охоты на ведьм».

Поскольку ведущие силы на Западе, инициировавшие этот конфликт, пока не добились своих целей (консолидации трансатлантического партнерства, его реструктуризации, перестройки американской экономики и т.д.), то он не будет урегулирован в краткосрочной перспективе. Одним из наиболее вероятных сценариев конфликта на Украине может стать его «карибский вариант», т.е. дальнейшая эскалация (включая вовлеченность войск НАТО) до уровня приведения в боевую готовность ядерных сил США и РФ. После чего Вашингтон и Москва будут вынуждены сесть за стол переговоров и там решить многие важнейшие для планеты вопро-

сы будущего мироустройства без активного вмешательства других держав. Такой подход обеспечит «сохранение лица» Вашингтону даже в случае неспособности добиться нужных результатов «на поле боя».

Шуликов Алексей Олегович, доцент кафедры менеджмента Камчатского государственного технического университета, кандидат политических наук, руководитель Камчатского регионального отделения РОП

В конфликте России с коллективным Западом компромисс уже невозможен

Специальная военная операция произвела серьезные «тектонические» изменения как на геополитическом уровне, так и на внутренней «арене». Масштаб и возможные последствия этих изменений оценивать в настоящее время еще преждевременно. Но уже с уверенностью можно утверждать, что будет совершенно другая политическая конфигурация как на внешнем, так и на внутреннем контуре.

В геополитическом плане, вероятнее всего, продолжится фрагментация геополитического пространства, на региональные автономные образования. Формирование группировки стран вокруг РФ, возможно только при «осязаемых» успехах СВО, которые в настоящее время отсутствуют.

Внутри российского общества, вероятнее всего будет нарастать «усталость» от геополитического напряжения, но ждать какого-либо нарастания протестного движения, также вероятнее всего не стоит, если как уже указывалось неоднократно, не произойдет существенного снижения уровня благосостояния.

Большая часть населения РФ никак не заметила «культуры отмены» в виду отсутствия каких-либо контактов с представителями западного общества. Определенную волну негодования вызывали всевозможные ограничения в области спорта, но к ним видимо уже привыкли и смирились.

Конфликт РФ с коллективным Западом перешел в стадию, когда какой-либо компромисс уже невозможен. Его можно было достичь до открытой фазы конфликта, но постоянная «игра на повышение ставок» с обеих сторон привела конфликт к состоянию, когда его решение стало возможно только при «чистой» победе одной из сторон, но до этого еще явно очень далеко. Поэтому конфликт будет продолжаться долго, где открытая фаза будет чередоваться с латентной.

Ярулин Илдус Файзрахманович, научный руководитель Института социально-политических технологий и коммуникаций, профессор Высшей школы международных исследований и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета, доктор политических наук, профессор, руководитель Хабаровского регионального отделения РОП

СВО пока не решила поставленных задач

СВО стала проверкой, прежде всего, для самой России. Она высветила серьезные проблемы с политической и военной стратегией и тактикой; в подготовке, вооружении, оснащении и комплектовании Вооруженных Сил; в мобилизационной готовности страны, в том числе промышленности; в идеологической составляющей государственной политики; в поведении части элит и общества.

Спецоперация отразилась не только на России, но и на всем мире. Если говорить о РФ, то СВО сказалась не только на экономике, но и отразилась на сознании граждан. Начались даже повороты во внутренней политике, пока они осторожные, но события могут дальше развиваться очень стремительно, даже могут случиться революционные изменения. Многие говорят, что без таких революционных изменений у нас нет шанса выиграть эту военную кампанию. Речь идет о смене элитных групп в политической системе. Поиски «бояр-изменников», которых необходимо «посадить на кол», естественная реакция на ситуацию с СВО, которая пока не решила поставленных задач. С одной стороны – ожидание побед, с другой – состояние фрустрации, «как бы чего не вышло плохого».

Понятно, что борьба идет не с Украиной, а с коллективным Западом. Мы являемся свидетелями цивилизационного противостояния. Пока горячей войны между Россией и Западом нет, за исключением СВО. В основном эта война гибридная, а пропорции противостояния могут измениться в любой момент.

Прошел почти год «Большого перелома». Страна не рухнула, политсистема пока справляется со своими задачами. Мир официально разделен на «дружественные» и «недружественные» страны. Власть существенно укрепилась внутри страны и стала, гораздо более безальтернативной, чем была год тому назад.

Российское общество разделено на относительно провластное (в смысле не-оппозиционности) большинство и тех, к кому это большинство относится не иначе как к предателям, критикующим собственную страну «из-за бугра». Это противостояние не является выдуманным или порожденным одной только пропагандой – оно естественно формируется в обществе, которому хочется ощущать себя «правильным», а «оступившееся меньшинство» – врагами. Сегодня то, на что тратила массу сил государственная пропаганда, осуществляется «глубинным народом» в самостоятельном режиме – и ненависть к инакомыслящим также выступает одним из важнейших активов режима.

В основном понятие «культуры отмены» семантически связано именно с русской культурой, которую пытаются исключить из ми-

рового пространства. В странах, поддерживающих Украину, в значительной мере, это удалось. Хотя говорить о тотальной отмене не приходится.

Культура отмены – элемент, составная часть культуры упрощения. Культуры упрощения всего – смыслов, понятий, действий. Поэтому и убирается все сложное, непонятное, сводится к дихотомии «свои-чужие» (Карл Шмитт).

В таких условиях проще управлять, поскольку население спланируется вокруг Центра принятия решений, от которого зависит само существование этого населения и его благополучие, успешнее ведется тотальная пропагандистская обработка.

Инициированная Западом «культура отмены» привела к формированию в России уникального явления - «культуры замены», контуры которой определены санкционной политикой коллективного Запада, но уже позволяют говорить о том, что привычные формы взаимодействия/конкуренции, стремительно архаизируются.

Принимая правила навязанной «культуры отмены» в форме «культуры замены», российское общество рискует пойти по тому же пути упрощения. Призрачные результаты упрощения приводят к серьезной деградации общества, качество которого придется долго восстанавливать. Это самый печальный результат – принять правила игры, навязываемы противником.

Каковы условия и возможности урегулирования данного конфликта в среднесрочной перспективе? Путь лишь один – победа в боевых столкновениях и достижение условий, обеспечивающих нормальное функционирование Российского государства. Лишь таким путем РФ докажет право на существование, в противном случае – второстепенная держава, живущая за счет распродажи природных ресурсов и не обладающая суверенитетом с последующим распадом на «национальные» кварталы.

На 2023 год можно прогнозировать тяжелое и небыстрое силовое решение «украинского вопроса» в условиях, когда Запад будет уравнивать всевозможными своими ресурсами очевидные преимущества Вооруженных сил России на фронтах СВО и работать на истощение российского потенциала.

Однако такая поддержка не бесконечна, поэтому будет вестись поиск и дипломатических путей решения кризиса. К концу 2023 года, возможно, начало переговорного процесса с введением моратория на боевые действия. Хотя локальные боестолкновения будут иметь место. Это возможно лишь при достижении согласия как непосредственных участников конфликта, так и вовлеченных в него сторон. Кроме того, необходимым условием будет активная позиция государств – лидеров «движения неприсоединения».

Очень силен страх «похабного мира» - результата торга властных группировок, «договорняка», при котором будет «потеряно лицо» российского общества, синдром «украденной победы».